Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 657–677
http://journals.rudn.ru/international-relations

ПРОБА ПЕРА
EMERGING VOICES

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677
EDN: HUEAZP

Научная статья / Research article

Ключевые особенности международного климатического процесса: взгляд со стороны стран Глобального Юга

А.А. Альхарби✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉1072228007@rudn.ru

Аннотация. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (Конвенция) была принята в 1992 г. и вступила в силу в 1994 г., заложив основу для последующих правовых актов — Киотского протокола 1997 г. и Парижского соглашения 2015 г., призванных способствовать реализации целей Конвенции и соблюдению ее принципов. В исследовании процесс в рамках РКИК ООН рассмотрен с позиции стран Глобального Юга, особое внимание уделено позиции «Группы 77» и Китая (G77 плюс Китай). Прослежены истоки Конвенции и проанализирована эволюция климатического режима на протяжении трех десятилетий с акцентом на взаимосвязи между его основополагающими принципами, в частности принципами справедливости, «общих, но дифференцированных обязательств и соответствующих возможностей» (CBDR-RC) и всеохватности, а также с учетом расстановки сил в многосторонней климатической политике. Продемонстрировано, как дисбаланс сил, материальные интересы государств и динамика отношений «Север — Юг» влияют на толкование и применение этих принципов. Установлено, что гибридная структура Парижского соглашения усугубила избирательный подход (*cherry-picking*) со стороны стран Севера и породила новую напряженность, включая нарушение принципов РКИК ООН и перекладывание бремени обязательств на развивающиеся страны. Кроме того, недавние призывы к поспешному отказу от ископаемого топлива отражают стремление многих развитых стран восполнить дефицит сокращения выбросов за счет переноса бремени мер по смягчению последствий изменения климата на зависящие от ископаемого топлива развивающиеся страны Глобального Юга, что нарушает ключевые принципы статьи 3.3 Конвенции. В контексте этих структурных и политических ограничений предложено более обоснованное неореалистическое понимание климатического режима и многосторонних усилий по борьбе с изменением климата.

Ключевые слова: изменение климата, РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение, климатические переговоры, развивающиеся страны, Глобальный Юг

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Альхарби А. А.* Ключевые особенности международного климатического процесса: взгляд со стороны стран Глобального Юга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 657–677. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677; EDN: HUEAZP

© Альхарби А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Key Features of the International Climate Process: A Perspective from the Global South

Atif A. Alharbi✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉1072228007@rudn.ru

Abstract. The United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (Convention) was adopted in 1992 and entered into force in 1994, providing the basis for subsequent legal instruments—Kyoto Protocol 1997 (KP) and Paris Agreement 2015 (PA)—to enhance the implementation of the convention objectives and to be guided by its principles. This paper examines the UNFCCC process from the perspective of the Global South, with a particular emphasis on the positions of the Group 77 and China (G77 + China). It traces the origins of the Convention and analyzes the climate regime evolution over three decades, highlighting the interplay between its foundational principles, such as particularly equity, "common but differentiated responsibilities and respective capabilities" (CBDR-RCs), and comprehensiveness, as well as the power dynamics in multilateral climate politics. The study illustrates how power imbalances, state material interests, and North-South dynamics shape the interpretation and application of such principles. It argues that the PA hybrid design has exacerbated Northern selectivity (the cherry-picking approach) and created new tensions, including breaching principles of the UNFCCC and burden-shifting to developing countries (DCs). Additionally, recent calls for hasty fossil fuels (FF) phase-out mirror the predetermined inclination of many developed countries so as to fill the emission gap by transferring the burden of mitigation responsibilities to FF-dependent Southern DCs, thereby breaching the core principles of the Convention Article 3.3. Underlining these structural and political limitations, the study puts forward a more grounded neorealist understanding of the climate regime and multilateral efforts to address climate change.

Key words: climate change, UNFCCC, Kyoto protocol, Paris agreement, climate negotiations, developing countries, Global South

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Alharbi, A. A. (2026). Key features of the international climate process: A perspective from the Global South. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 657–677. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677; EDN: HUEAZP

Введение

Климат Земли всегда менялся и эволюционировал под воздействием различных факторов — как природных, так и антропогенных. Однако независимо от естественных причин стремительный рост температуры и сопутствующее усиление глобального потепления, вызванные выбросами парниковых газов в результате деятельности человека со времен промышленной революции, привлекли пристальное внимание международного сообщества, особенно после того, как эти опасения относительно состояния окружающей среды получили подтверждение в виде растущего объема научных данных. В связи с этим в 1988 г. была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Это стало ответом на растущую обеспокоенность мирового сообщества негативными последствиями изменения климата и стремлением ООН занять ведущую роль в решении этой острой глобальной проблемы (Doussis & Dikaios, 2025, p. 154). Основная задача организации — предоставлять лицам, принимающим решения, научные оценки возможных последствий изменения климата, тем самым выводя эту проблему на передний план международной повестки дня[1].

В 1988–1990 гг. Генеральная Ассамблея ООН также уделяла внимание проблеме изменения климата, приняв ряд резолюций, в которых подчеркивались изменения климатической системы и признавались серьезные

[1] What Is the IPCC? Fact Sheet // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). January 2024. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2024/04/IPCCFactSheet_WhatisIPCC.pdf (accessed: 04.02.2025).

потенциальные последствия выбросов парниковых газов, вызванных деятельностью человека[2]. Вскоре после этого, в 1990 г., был опубликован Первый оценочный доклад МГЭИК, подтвердивший роль антропогенного воздействия, но при этом признавший наличие неопределенностей при моделировании и прогнозировании[3]. Этот доклад, сопровождавшийся декларацией высокого уровня Второй всемирной климатической конференции (SWCC) и резолюцией ООН 45/212, послужил основой для создания Межправительственного комитета по ведению переговоров (INC), результатом работы которого стала разработка Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) (Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Конвенция была принята в мае 1992 г. и вступила в силу 21 марта 1994 г. Данная Конвенция представляет собой соглашение по смягчению последствий изменения климата, не предусматривающее механизмов принудительного исполнения (Kuyper, Schroeder & Linnér, 2018, p. 345; Pattberg & Wideberg, 2017, p. 4). Это обусловлено низкой степенью амбициозности целей США и их твердым нежеланием принимать количественно определенные обязательства по сокращению выбросов (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Помимо этого, ограничения Конвенция определяет конечную цель — стабилизацию концентрации парниковых газов, а также закрепляет ключевые принципы, имеющие важное значение для развивающихся стран: принцип «общих, но дифференцированных обязательств и соответствующих возможностей» (*common but differentiated responsibilities and respective capabilities*, CBDR-RCs), принцип всеобъемлющего подхода, а также принципы учета потребностей этих стран и содействия устойчивому развитию. Эти принципы были утверждены в ходе принципиальной правовой дискуссии между развитыми странами (во главе с США), которые с осторожностью относились к широким, всеобъемлющим принципам, и развивающимися странами (во главе с Китайской Народной Республикой (КНР)), считавшими, что такие принципы служат важнейшим ориентиром и должны быть включены в основной текст документа. Стороны пришли к компромиссу, закрепив эти ключевые принципы в ст. 3 документа (Yamin & Depledge, 2004, p. 66).

Многие развитые страны выступали против принятия юридически обязательных норм, стремясь защитить свои экономические и стратегические интересы и сохранить доминирующее положение путем игнорирования позиций стран Глобального Юга (Heras & Gupta, 2025, p. 10; Arslan, 2025, pp. 8–9). Тем не менее развивающиеся страны отстояли свою субъектность, поддержав ключевые принципы, призванные защитить их от обязательств по сокращению выбросов в будущем (Heras & Gupta, 2025, p. 2; Arslan, 2025, p. 7). Эти основополагающие принципы легли в основу Конвенции, представляющей собой тщательно выверенный компромисс, и позднее были распространены на стороны Киотского протокола и Парижского соглашения. Хотя эти базовые принципы были призваны обеспечить целостность режима, в период после принятия Парижского соглашения наметился переход к «избирательному подходу Севера», то есть практике выборочного выполнения обязательств, а в научной среде Парижское соглашение все чаще рассматривается как «самостоятельный режим», несмотря на то, что оно действует в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН).

Несмотря на обширную литературу, посвященную процессу РКИК ООН, в ходе данного исследования не было выявлено работ, в кото-

[2] См.: United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/43/53, 1988 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/43/53 (accessed: 18.05.2025); United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/44/207, 1989 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/44/207 (accessed: 18.05.2025); United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/45/212, 1990 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/45/212 (accessed: 18.05.2025).

[3] Climate Change: The IPCC 1990 and 1992 Assessments. IPCC First Assessment Report: Overview and Policymaker Summaries and 1992 IPCC Supplement // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). June 1992. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/05/ipcc_90_92_assessments_far_full_report.pdf (accessed: 17.01.2026).

рых бы систематически анализировались итоги Конференций Сторон (КС) в контексте ст. 3.3 и принципа «комплексности», который прямо подрывается в рамках избирательного подхода стран Глобального Севера к исполнению обязательств в рамках международного климатического процесса. Обзор литературы указывает на наличие двойного пробела в научных исследованиях, возникшего на фоне переговорного процесса по Парижскому соглашению: во-первых, отсутствие обоснованной критики (в рамках ст. 3.3) действий стран Севера, намеренно обходящих спорные требования об отказе от ископаемого топлива, звучащие со времен конференции КС-26 в Глазго; во-вторых, игнорирование того, как несправедливая политика, ориентированная исключительно на меры по смягчению последствий изменения климата, приводит к «перекладыванию проблем» и возникновению трансграничных негативных последствий для развивающихся стран. В недавнем исследовании (Adipudi, Kim & Biermann, 2025) приводится эмпирическое подтверждение этого тезиса: авторы проанализировали 182 национальных сообщения, представленных 25 странами Глобального Севера в период с 1994 по 2023 г., и выявили 718 случаев риска «перекладывания проблем» в рамках 712 климатических мер. Таким образом, несмотря на признание РКИК ООН важности минимизации негативных последствий мер реагирования на изменение климата, масштабы и направленность такого перекладывания бремени до сих пор не получили систематического изучения.

Согласно теории международных режимов, возникшей в рамках структурного реализма, принципы и нормы режима влияют на ход переговоров и их результаты, формируя ожидания участников в условиях анархической структуры мировой политики. Эти нормативные элементы зачастую размываются, становятся предметом компромиссов, применяются и трактуются избирательно либо ослабляются под воздействием таких постоянных факторов, как дисбаланс сил, экономические интересы и стремление к получению относительных преимуществ. Это, в свою очередь, порождает конфликты по поводу распределения выгод и издержек, практику выборочного соблюдения обязательств (*cherry-picking*) и стратегическое перекладывание бремени странами Глобального Севера (Krasner, 1982a, pp. 497–510; 1982b, pp. 185–189). По мнению С. Краснера, любое изменение принципов и норм означает трансформацию самого режима, тогда как изменения на операционном уровне — в правилах и процедурах принятия решений — представляют собой отклонения в рамках режима, не затрагивающие его фундаментальной сущности (Krasner, 1982b, pp. 187–188). Следовательно, попытки развитых стран игнорировать такие ключевые принципы, как справедливость и принцип «общих, но дифференцированных обязательств с учетом соответствующих возможностей», привели бы к превращению режима регулирования изменения климата в режим, относящийся к совершенно иной предметной области. В то же время переход от подхода «сверху вниз» (установление целевых показателей сокращения выбросов в рамках Киотского протокола) к подходу «снизу вверх» (в рамках Парижского соглашения) можно рассматривать как изменение внутри режима РКИК ООН.

С учетом вышесказанного ключевая исследовательская проблема заключается в том, каким образом определенные факторы подорвали принципы режима РКИК ООН и усугубили асимметрию сил в отношениях между Севером и Югом, позволив странам Севера прибегать к избирательному подходу и перекладыванию бремени, тем самым ставя под угрозу требования Глобального Юга касательно справедливости, исторической ответственности, средств реализации и комплексного характера принимаемых мер.

В связи с этим исследование направлено на решение пяти основных задач:

– проследить историческую эволюцию РКИК ООН на протяжении четырех этапов (1995–2024 гг.) в условиях неравенства сил;

– выделить ключевые особенности этого процесса и позицию «Группы 77» и Китая (G77 плюс Китай) по отношению к ним;

– оценить влияние изменений, внесенных Парижским соглашением, на соблюдение основополагающих принципов Конвенции;

– изучить прагматичность призывов к поэтапному отказу от ископаемого топлива и их последствия для развивающихся стран, экономика которых зависит от этого ресурса;

– углубить понимание роли структурного реализма в формировании природоохранных режимов и политике в этой сфере.

Для решения поставленных задач в методологическом плане исследование опирается на многогранную природу проблемы изменения климата и междисциплинарный подход, объединяющий знания в области международных отношений, политологии, экономики, энергетической безопасности, истории и международного экологического права. Исследование проводилось с позиций стран Глобального Юга и базировалось на принципах историзма, научной объективности и достоверности. Принцип историзма сыграл ключевую роль в оценке критических моментов и этапов развития режима РКИК ООН, что позволило всесторонне проанализировать структурные изменения режима, влияние крупнейших государств-эмитентов и политические позиции сторон (с особым акцентом на G77 плюс Китай), рассматривая все исторические события в их контексте.

В работе применяется комплекс аналитических методов, включающий систематический анализ первоисточников, протоколов переговоров и официальных документов РКИК ООН в сочетании с критическим осмыслением профильных рецензируемых научных публикаций по международным отношениям. Данные методы включают качественный контент-анализ и историко-сравнительный анализ с использованием индукции и дедукции, а также статистический подход, демонстрирующий несоответствие между призывами к отказу от ископаемого топлива и долгосрочными прогнозами развития энергетики, указывающими на сохранение высокой зависимости от него. Методический инструментарий дополняется результатами 25-летнего личного участия автора в международном климатическом процессе, а также данными серии интервью с высокопоставленными представителями Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК) и делегаций Саудовской Аравии и Кувейта на переговорах РКИК ООН.

Ключевые этапы международного климатического процесса

С момента вступления Конвенции в силу Стороны ежегодно собираются на Конференциях Сторон, функционирующих как высший директивный орган в рамках РКИК ООН. Эти конференции служат основным форумом для международного сотрудничества в области климата, а принимаемые на них решения олицетворяют коллективную волю мирового сообщества (Almquist et al., 2026, p. 222; Obergassel et al., 2022, p. 3). Данная точка зрения разделяется большинством, несмотря на звучащую в последнее время со стороны Запада критику принципа инклюзивности КС, предоставляющего каждой Стороне право равного голоса, обусловленную отсутствием договоренности по процедурным правилам голосования, которые сложились еще в ходе заседаний Межправительственного комитета по переговорам (МКП) (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 2). Вопрос о «консенсусе» в контексте Правила 42 был одной из ключевых и наиболее спорных тем в ходе подготовительных переговоров к первой Конференции Сторон (КС-1) и остается нерешенным по сей день[4]. Такой подход

[4] Этот тупик стал отражением двух противоположных позиций: страны ОПЕК (во главе с Кувейтом и Саудовской Аравией) и Китай требовали достижения консенсуса по вопросам, касающимся самой сути проблемы, в то время как промышленно развитые государства настаивали на том, что именно порядок выполнения финансовых обязательств должен определяться на основе консенсуса. Таким образом, страны Запада стремились расширить глобальные обязательства по смягчению последствий изменения климата, сохраняя при этом полный контроль над финансированием соответствующих инициатив. Однако в западной риторике зачастую игнорируется другая сторона вопроса, а ответственность возлагается исключительно на ОПЕК. Материал основан на опыте автора, выступавшего в качестве ведущего переговорщика от делегации Кувейта на подготовительных сессиях к КС-1. См.: Eleventh Session of the Intergovernmental Negotiating Committee for a Framework Convention on Climate Change (INC/FCCC): Summary Report, 6–17 February 1995 // International Institute

наделяет каждую Сторону правом отклонить (наложить вето) итоговые решения Конференций сторон (Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 125, 131) и становится важной характеристикой глобальной климатической политики (Chasek, Downie & Allan, 2025, pp. 11–12).

В результате некоторые западные авторы, столкнувшись с институциональным тупиком, поставили под сомнение ценность многосторонних климатических переговоров и стали выступать за создание «минилатеральных» механизмов с участием крупнейших стран-эмитентов (Keohane & Victor, 2016, p. 573; Pattberg et al., 2022, p. 298). Однако подобные предложения также указали на трудности, сопряженные с формированием таких механизмов, и на риск обхода существующего многостороннего процесса в сфере климата (Falkner, Nasiritousi & Reischl, 2022, p. 484).

Итоги этих ежегодных конференций (COP) формируют «детальный свод правил» для реализации правовых соглашений в рамках РКИК ООН. В данном исследовании, где особое внимание уделяется ключевым этапам и поворотным моментам международного климатического процесса, рассматриваются наиболее значимые сессии КС вплоть до КС-29, разделенные на следующие четыре этапа.

Этап 1. Формирование юридических обязательств (1995–1997 гг.)

В ходе подготовки к КС-1 в 1995 г. Стороны пришли к согласию относительно того, что предусмотренные Конвенцией меры по смягчению последствий изменения климата недостаточны и требуют усиления за счет ужесточения обязательств развитых, но не развивающихся государств. Кувейт и Саудовская Аравия наряду с другими членами Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) заявили, что делать подобные выводы без надлежащей научной информации преждевременно, и подчеркнули необходимость учитывать социально-экономические последствия действующих и будущих обязательств для других Сторон[5]. КС-1 продемонстрировала общемировое понимание необходимости противодействия климатическому кризису (Ushadevi et al., 2024, p. 26) и привела к созданию «Специальной группы по Берлинскому мандату» (*Ad Hoc Group on the Berlin Mandate*, AGBM) для активизации международных усилий на период после 2000 г. Группа AGBM провела восемь заседаний, а переговоры завершились принятием Киотского протокола (КП) в декабре 1997 г. в рамках КС-3 в Киото. Однако Киотский протокол вступил в силу лишь в феврале 2005 г., поскольку ратификация документа Россией позволила выполнить требование ст. 25 Протокола о представлении ратифицировавшими его государствами Приложения I к РКИК ООН не менее 55 % их совокупных выбросов CO_2 за 1990 г.[6]

Киотский протокол 1997 г., ставший первым юридически обязательным климатическим соглашением, касающимся сокращения выбросов парниковых газов (Ushadevi et al., 2024, p. 26), опирался на правовую базу Рамочной конвенции (Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 116), в частности на принципы справедливости и исторической ответственности. Его действие распространялось на развитые страны, включенные в Приложение I и принявшие обязательство по сокращению выбросов парниковых газов на 5 % по сравнению с уровнем 1990 г. в период 2008–2012 гг. Такой подход к сокращению выбросов можно назвать подходом «сверху вниз» (*top-down*), основанным на совместных международных усилиях по достижению общей цели (Hare et al., 2010, p. 601) посредством юридически обязательных договоренностей с конкретными количественными показателями. Эту мысль

for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. URL:https://enb.iisd.org/events/11th-session-intergovernmental-negotiating-committee-framework-convention-climate-change-10 (accessed: 18.05.2026).

[5] Материалы из личного архива автора. Также см.: Eleventh Session of the Intergovernmental Negotiating Committee for a Framework Convention on Climate Change (INC/FCCC): Summary Report, 6–17 February 1995 // International Institute for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. URL: https://enb.iisd.org/events/11th-session-intergovernmental-negotiating-committee-framework-convention-climate-change-10 (accessed: 18.05.2026).

[6] The Kyoto Protocol // United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol (accessed: 18.05.2025).

подчеркивают П. Паттберг и О. Видерберг, отмечая, что институциональная структура Киотского протокола воплощала подход к глобальному управлению климатом, базирующийся на создании всеобъемлющего, общепризнанного и обязательного к исполнению соглашения (Pattberg & Widerberg, 2017, p. 7). Такое соглашение формировалось по принципу «сверху вниз» на основе устоявшихся норм и предварительного консенсуса между всеми сторонами, учитывая при этом разделение на развитые и развивающиеся страны, а также различия в их приоритетах социально-экономического развития (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156).

Ключевые элементы Киотского протокола включают формирование благоприятного для США подхода, основанного на гибких рыночных механизмах глобального сокращения выбросов (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156). Эти механизмы, предполагающие торговлю и передачу разрешений на выбросы (по аналогии с системами «ограничения и торговли», *cap-and-trade*), были призваны обеспечить экономически эффективное достижение установленных целей по снижению выбросов (Makarov, 2020, p. 165). Иными словами, они должны были позволить развитым странам Глобального Севера компенсировать свои внутренние обязательства за счет реализации проектов и участия в торговых схемах со странами Глобального Юга при минимальных затратах (Heras & Gupta, 2025, p. 5), что породило споры о перекладывании бремени ответственности на фоне нерешенных вопросов, касающихся соблюдения установленных норм. Исследователи утверждают, что в основе подобных механизмов сотрудничества лежат экономические интересы, обусловленные стремлением стран Глобального Севера к накоплению богатства, асимметрией властных отношений и неравенством между Севером и Югом (Arslan, 2025, p. 8).

Эффективность Киотского протокола была ограничена из-за недостаточного сокращения выбросов (Makarov, 2020, p. 167) и отсутствия участия таких крупных эмитентов, как США. Последние заведомо не одобрили бы этот документ еще до завершения переговоров (Mukherjee & Mathew, 2023, p. 278) в силу внутриполитических причин (Clémençon, 2023, p. 115), поскольку резолюция Сената США запрещала Белому дому ратифицировать соглашения, предусматривающие обязательные целевые показатели и сроки для одних стран, но не для других, либо способные нанести серьезный экономический ущерб Соединенным Штатам (Ibrahim & Uke, 2013, p. 143). Затянувшийся процесс ратификации и выход США из соглашения в 2001 г. подорвали модель лидерства стран Глобального Севера в международном климатическом процессе и усугубили разрыв между Севером и Югом (Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Несмотря на то, что первый период действия Киотского протокола охватывал лишь 30 % общемирового объема выбросов парниковых газов, он был признан решительным шагом вперед, позволившим к 2012 г. сократить выбросы промышленно развитых стран более чем на 10% по сравнению со сценарием отсутствия каких-либо мер (Hoppe et al., 2023, p. 620) (табл. 1). В то же время Дохинские поправки, касающиеся второго периода обязательств (2013–2020 гг.), охватывали лишь около 14 % мировых выбросов парниковых газов (Haibach & Schneider, 2013, p. 362). Этот регресс стал следствием отказа ряда ключевых стран Приложения I (США, России, Японии, Канады и Австралии) принять данные поправки. Свою позицию они обосновывали тем, что принципы справедливости и «общих, но дифференцированных обязанностей с учетом соответствующих возможностей» следует рассматривать в контексте современных глобальных экономических реалий (Thakur, 2021, p. 368; Haibach & Schneider, 2013, p. 362), не игнорируя при этом рост выбросов в странах с формирующейся экономикой (Falkner, 2016, p. 1110). С точки зрения стран Глобального Юга намерения западных государств сводятся к тому, чтобы снять с себя бремя исторической ответственности: они продвигают модель, вовлекающую развивающиеся экономики в ту же систему мер по сокращению выбросов, одновременно разрушая действовавший ранее для промышленно развитых стран юридически обязательный режим, основанный на принципе «сверху вниз» (Thakur, 2021, p. 367).

Таблица 1. **Страны, включенные в Приложение B к Киотскому протоколу, и их целевые показатели по выбросам в 1990–2012 гг.**

Страна	Показатель, %
Страны Европейского сообщества	–8
Болгария	–8
Чехия	–8
Эстония	–8
Латвия	–8
Лихтенштейн	–8
Литва	–8
Монако	–8
Румыния	–8
Словакия	–8
Словения	–8
Швейцария	–8
США*	–7
Канада	–6
Венгрия	–6
Япония	–6
Польша	–6
Хорватия	–5
Новая Зеландия	+0
Россия	+0
Украина	+0
Норвегия	+1
Австралия*	+8
Исландия	+10

Примечание. * — Страны, заявившие о своем намерении не ратифицировать Киотский протокол.

Источник: United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). Caring for Climate: A Guide to the Climate Change Convention and the Kyoto Protocol. Bonn : Climate Change Secretariat, 2003. P. 25. URL: https://unfccc.int/resource/docs/publications/caring_en.pdf (accessed: 12.03.2026).

Универсальная структура Киотского протокола практически не оставляла промышленно развитым странам пространства для маневра при выполнении жестких обязательств, не учитывавших внутриполитические реалии, что провоцировало между ними «конфликты по поводу распределения бремени» (Falkner et al., 2022, p. 48). Это предопределило неудачу любых попыток воспроизвести модель Киотского протокола, основанную на принципе «сверху вниз», особенно в отношении стран, чьи экономики в значительной степени зависели от ископаемого топлива и характеризовались высокой углеродоемкостью (Makarov, 2020, p. 168; Keohane & Victor, 2016, p. 573).

Этап 2. Конфликтные пересечения: от Киото до Парижа (1997–2015 гг.)

Несмотря на принятие Киотского протокола, нерешенные вопросы оставались, что свидетельствовало о сложностях реализации документа (Mitchell, 2001, p. 225). Неопределенность в отношении таких аспектов, как «система обеспечения соблюдения» и «механизмы», заставляла многие страны, подписавшие протокол, медлить с его ратификацией и введением в действие (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156). В рамках ряда Конференций Сторон был запущен новый цикл обсуждений, направленных на детальную разработку свода правил Протокола. Этот процесс, продолжавшийся вплоть до КС-7 в 2001 г., завершился принятием Марракешских соглашений (Ushadevi et al., 2024, p. 27).

Для продолжения международных переговоров по климату Балийская дорожная карта предусматривала два переговорных направления в рамках Конвенции и Киотского протокола. Первое было введено для вовлечения США после их выхода из первого этапа реализации Протокола как единственного способа продолжения международных переговоров по климату с участием США, а также для изучения возможности долгосрочного сотрудничества между всеми странами, выходящего за рамки выбросов промышленных предприятий, включенных в Приложение I[7].

Хотя на КС-15 в Копенгагене (2009 г.) возлагались большие надежды по заключению юридически обязывающего соглашения, ее итоги не оправдали ожиданий: участникам не удалось утвердить второй период выполнения обязательств (Clémençon, 2023, p. 124). Провал переговоров следует рассматривать в более широком контексте глобальной геоэкономической ситуации, поскольку финансовый кризис 2008 г. сместил приоритеты государств в сторону восстановления экономики, что затруднило ход обсуждения климатической повестки (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 7). Кроме того,

[7] Bottom Line on International Climate Negotiations: Fact Sheet // World Resources Institute (WRI). September 2009, 22. URL: https://www.wri.org/research/bottom-line-international-climate-negotiations (accessed: 28.12.2025).

ситуацию усугубила геополитическая стратегия США, настаивавших на переходе от жестких предписаний к гибким механизмам при одновременном вовлечении всех сторон, прежде всего Китая и Индии (Clémençon, 2023, p. 120). Политическое Копенгагенское соглашение, согласованное преимущественно между США и странами группы BASIC (Бразилия, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Индия и КНР), нарушило принцип инклюзивности, считавшийся важнейшей нормой в рамках процедурных правил РКИК ООН (Bodansky, 2010, p. 235; Kuyper, Schroeder & Linnér, 2018, p. 352). Недостатки КС-15 продемонстрировали переход к фрагментированной климатической архитектуре, характеризующейся доминированием нескольких ключевых игроков, что подчеркивает растущее влияние как развитых, так и развивающихся экономик (Vogler, 2022, p. 35).

Большая часть обязательств, принятых в Копенгагене, а также цель по ограничению роста глобальной температуры на уровне 2° С были утверждены на конференции в Канкуне. Это событие было расценено как шаг вперед и прогресс в переговорном процессе (Ushadevi et al., 2024, p. 31; Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 5). За этим последовало принятие Дурбанской платформы, которая послужила предметом торга и необходимым условием для утверждения Дохинской поправки в рамках второго этапа реализации Киотского протокола на конференции КС-18[8], что открыло путь к принятию Парижского соглашения.

Парижское соглашение было принято в 2015 г. (в ходе КС-21) и воспринято как выход из тупика, сложившегося после КС-15. Оно позволило развитым странам Глобального Севера отойти от дихотомического подхода к принципу дифференцированной ответственности (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Основная цель Соглашения обязывает Стороны удерживать рост глобальной температуры в пределах ниже 2° С по сравнению с доиндустриальным уровнем и стремиться ограничить его показателем 1,5° С. Достижение этой долгосрочной температурной цели неразрывно связано с соблюдением целей и принципов Конвенции, в частности принципа общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, а также с обеспечением средств реализации и учетом внутригосударственных условий каждой из Сторон.

Парижское соглашение ознаменовало собой смену парадигмы: переход от модели Киотского протокола (унифицированные целевые показатели по выбросам, устанавливаемые «сверху вниз») к подходу, основанному на инициативе самих стран (система определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ), формируемая по принципу «снизу вверх») (Doussis & Dikaios, 2025, p. 159; Pattberg et al., 2022, p. 299). Действительно, подход «сверху вниз» столкнулся с трудностями при реализации и политическим сопротивлением со стороны так называемой Зонтичной группы, в которую входили США, Россия, Канада и Япония. Парижское соглашение, сохраняя элементы прежней обязательной системы «сверху вниз» (Pattberg et al., 2022, p. 299), интегрирует гибкость механизма ОНУВ («снизу вверх»), чтобы обеспечить участие крупнейших эмитентов, в частности США (Clemençon, 2023, p. 120). Если одни рассматривают это как конструктивный и важный этап эволюции международного климатического процесса (Clemençon, 2023, p. 120, 133; Doussis & Dikaios, 2025, p. 159), то другие видят в этом отход от принципа дифференциации, позволяющий богатым странам уклоняться от предоставления необходимых средств реализации и выполнения ведущей роли в мерах по смягчению последствий изменения климата (Pattberg et al., 2022, p. 305; Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Этап 3. Разработка свода правил: от практической реализации Парижского соглашения до Пакта Глазго (2015–2021 гг.)

Быстрое вступление Парижского соглашения в силу было расценено как «феноменальный прогрессивный шаг» в международной климатической политике. Этому способствова-

[8] Материал основан на опыте автора как члена группы единомышленников из числа развитых стран, договорившейся с ЕС о запуске двух переговорных направлений: по периоду до 2020 г. и по периоду после 2020 г.

ли такие факторы, как гибкость подхода «снизу вверх», соблюдение порогового условия (охват не менее 55 % мировых выбросов парниковых газов) и оперативная ратификация соглашения крупнейшими эмитентами — США, Китаем и Европейским союзом (ЕС) (Heras & Gupta, 2025, p. 5), что продемонстрировало способность ведущих держав определять дальнейший ход процесса в рамках РКИК ООН.

Поскольку положения Парижского соглашения носят достаточно абстрактный юридический характер, Стороны инициировали Рабочую программу Парижского соглашения (*Paris Agreement Work Program*, PAWP) и провели четыре сессии Конференции Сторон для обеспечения практической реализации закрепленных в документе обязательств (Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 3; Ruiz Campillo, 2024, p. 2). В ходе обсуждений особое внимание уделялось спорным вопросам взаимодействия стран Глобального Севера и Глобального Юга, касающимся лидерства, подотчетности и средств реализации принятых мер (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Несмотря на эти разногласия, на КС-24 был окончательно согласован Катовицкий пакет, охватывающий практически все аспекты Рабочей программы[9]. На КС-25 в Мадриде стороны согласовали решения по ряду незавершенных вопросов, включая шестилетний план работы по мерам реагирования, продление мандата Парижского комитета по наращиванию потенциала до 2024 г., а также завершение процесса оценки ситуации на период до 2020 г. и анализ разрыва в объемах выбросов.

Этап 4. Энергетический переход в условиях противостояния: от призывов отказаться от ископаемого топлива в Глазго до финансовых компромиссов в Баку (2021–2024 гг.)

В ходе переговорного процесса в рамках РКИК ООН (2021–2024 гг.) на конференциях КС-26 — КС-29 усилилась риторика, призывающая к поэтапному отказу от ископаемого топлива. Это привело к «бинарному противостоянию» между целями климатической устойчивости и энергетической безопасности (Doussis & Dikaios, 2025, p. 160; Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 136, 143) и создало угрозу государственному суверенитету в отношении природных ресурсов (Salimi Turkamani, 2025, p. 872). Климатический режим сместил фокус с широкого внимания к выбросам парниковых газов на узкую задачу поэтапного отказа от ископаемого топлива. По мнению Р. Клеменсона (Clemençon, 2023, p. 131), истинной целью такого подхода было устранение разрыва в объемах выбросов за счет отказа от сжигания ископаемого топлива и сохранения его запасов в недрах. Для развивающихся стран Глобального Юга, обладающих 78 % мировых запасов ископаемого топлива, это обернулось структурным кризисом, поскольку их экономика и социальное благополучие в значительной степени зависят от этих ресурсов (Heras, 2024, p. 50; Salimi Turkamani, 2025, p. 862, 865). Особенно это касается государств-рантье, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Ilyassov, Chukubayev & Morgunova, 2025, pp. 14–15) (табл. 2). В конечном счете такой характер переговоров отразил тот факт, что Парижское соглашение и ОНУВ оказались недостаточными для обеспечения необходимых мер по смягчению последствий изменения климата (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 1, 6; Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 5), что ведет планету к потеплению на 3° С (Jalil, 2025, p. 8; Hoppe et al., 2023, p. 634).

Поскольку добровольные вклады в рамках ОНУВ недостаточны для достижения цели по нулевому уровню выбросов (Minnerop, 2018, p. 135; Doussis & Dikaios, 2025, p. 159), страны Глобального Севера тактически продвигают требование о поэтапном отказе от ископаемого топлива, ориентированное на сферу предложения, тем самым нарушая положения ст. 3.3 Конвенции и нормы Парижского соглашения. В международном праве, регулируемом режимом РКИК ООН, отсутствуют четкие директивы по ограничению добычи ископаемого топлива.

[9] Climate Change // International Institute for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. 1995. Vol. 12. URL: https://enb.iisd.org/enb/vol12/ (accessed: 10.02.2026).

Таблица 2. **Отдельные страны, зависящие от ископаемого топлива (среднегодовые показатели за 2015–2019 гг.)**

Страна	Рента от ископаемого топлива, % ВВП	Рента от ископаемого топлива, % от общей ренты от невозобновляемых ресурсов	Нефтяная рента, % от ренты за ископаемое топливо	Экспорт топлива, % от общего объема экспорта	Доходы от природных ресурсов, % государственных доходов	Индекс зависимости
Ирак	37,2	100,0	99,5	98,0	92,1	95,0
Ливия	34,8	100,0	96,8	92,2	91,5	91,9
Кувейт	38,6	100,0	98,5	92,8	69,4	81,1
Оман	24,6	100,0	92,1	75,3	–	73,5
Азербайджан	21,0	99,4	86,0	90,6	58,5	74,5
Ангола	17,9	100,0	98,0	93,5	53,5	73,5
Саудовская Аравия	24,4	99,9	85,7	92,3	44,6	68,4
Судан	6,6	99,9	85,7	92,3	44,6	68,4
Алжир	15,2	99,8	85,5	95,8	39,5	67,6
Габон	14.9	99,7	98,8	68,1	35,8	52,0
Иран	17,4	97,5	87,7	66,3	35,5	50,9
Венесуэла	11,7	99,0	97,2	86,7	14.5	50,6
Бахрейн	4.0	100.0	54,3	49,7	–	49,7
Казахстан	12,6	82,9	84,5	65,8	32,0	46,8
Объединенные Арабские Эмираты	14,6	100.0	95,5	50,3	47,4	48,9
Россия	10,5	94,0	70,0	53,0	23,5	38,2

Источник: Global Decarbonization in Fossil Fuel Export-Dependent Economies // United Nations Development Programme (UNDP). May 15, 2023. P. 27. URL: https://www.undp.org/publications/dfs-global-decarbonization-fossil-fuel-export-dependent-economies (accessed: 13.04.2026).

Вместо этого основное внимание уделяется мерам по сокращению выбросов со стороны спроса (Salimi Turkamani, 2025, p. 864, 866; Van Asselt, 2021, pp. 1–3). Перенос акцента на добычу ископаемого топлива свидетельствует о неэффективности механизмов смягчения последствий изменения климата, предусмотренных Парижским соглашением (Thakur, 2021, p. 369; Clemençon, 2023, p. 131; Salimi Turkamani, 2025, p. 880). Это, в свою очередь, объясняет стремление стран Глобального Севера переложить бремя ответственности на развивающиеся страны, добывающие ископаемое топливо (Heras & Gupta, 2025, p. 6).

На КС-26 в Глазго стороны осознавали, что текущие определяемые на национальном уровне вклады приведут к росту глобальной температуры в диапазоне 2,4–2,8 °C. Следовательно, для соответствия температурным целям Парижского соглашения требовалось сократить выбросы CO_2 на 45 % к 2030 г. (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 1, 9). «Климатический пакт Глазго» ознаменовал переход к более отраслевому подходу (Obergassel et al., 2022, p. 8), а идея постепенного сокращения или поэтапного отказа от ископаемого топлива была впервые официально признана в рамках процесса РКИК ООН (Salimi Turkamani, 2025, p. 867; Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 9; Ruiz Campillo, 2024, p. 7). Отсутствие договоренности по вопросу финансовой помощи странам Глобального Юга в осуществлении энергоперехода еще больше усугубило их недоверие к странам Глобального Севера (Heras & Gupta, 2025, p. 6).

Конференция в Шарм-эль-Шейхе (КС-27) проходила на фоне угрожающих международных кризисов, в частности в энергетике и в процессе перехода к многополярному мироустройству, что порождало геополитические трения. Тем не менее на этой конференции

был утвержден «План реализации Шарм-эль-Шейха», в рамках которого стороны договорились о справедливом пути декарбонизации («справедливом переходе»). Несмотря на призывы расширить рамки мандата Глазго путем поэтапного сокращения использования всех видов ископаемого топлива (Salimi Turkamani, 2025, p. 867), в итоговом соглашении была сохранена формулировка, принятая в Глазго. Активность в сфере борьбы с изменением климата в определенной степени снизилась (Doussis & Dikaios, 2025, p. 160), а идеализм Глазго столкнулся с реальностью энергетического кризиса, вызванного событиями на Украине. Это, в свою очередь, обнажило противоречивость подходов, двойные стандарты и огромный разрыв между риторикой и практикой стран, претендующих на лидерство в зеленой повестке, таких как ЕС (Çelik, 2022, p. 1019).

Согласно техническому отчету о глобальном подведении итогов (*Global Stocktake*) в рамках РКИК ООН, представленному на КС-28 в Дубае, для достижения температурной цели Парижского соглашения необходимы незамедлительные меры по сокращению глобальных выбросов парниковых газов на 43 % к 2030 г. и на 60 % к 2035 г., а также по достижению нулевого уровня выбросов к 2050 г. Однако столь значительное сокращение следует рассматривать с учетом актуальных данных и прогнозов в сфере энергетики, подтверждающих доминирование ископаемого топлива, на долю которого приходится более 80 % спроса на первичную энергию (Salimi Turkamani, 2025, p. 861). Это согласуется с оценкой Международного энергетического форума (IEF), проанализировавшего 32 долгосрочных прогноза развития энергетики с учетом различных источников. Все они подтверждают вывод о доминировании ископаемого топлива в краткосрочной и среднесрочной перспективе[10].

Первый «Глобальный обзор», служащий важнейшим механизмом оценки коллективного прогресса в достижении целей Парижского соглашения (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 6), стал одной из наиболее спорных тем на КС-28 в Дубае. Различия в позициях по этому вопросу объясняются опасениями развивающихся стран относительно того, что невыполнение обязательств развитыми странами может привести к перекладыванию бремени на них самих.

В ходе КС-28 США и другие заинтересованные стороны вновь настаивали на том, чтобы в итоговом документе был детально прописан отказ от ископаемого топлива[11]. Делегация Саудовской Аравии, выступавшей в качестве одной из ведущих стран ОПЕК, настаивала на том, чтобы конференция в Дубае была сосредоточена исключительно на сокращении выбросов парниковых газов, а не на борьбе с ископаемым топливом, являющимся причиной этих выбросов[12]. В результате в итоговом заявлении КС была утверждена компромиссная формулировка — «переход от ископаемого топлива»[13].

На КС-28 в Дубае Россия наложила вето на проведение следующей конференции в одной из стран ЕС, в результате чего Азербайджан стал наиболее вероятным кандидатом от региона Восточной Европы. К моменту проведения КС-29 в Баку в ноябре 2024 г. переизбрание Дональда Трампа на пост президента США создало атмосферу неопределенности относительно будущего климатической политики Вашингтона и итогов конференции, особенно в части «климатического финансирования». Тем не менее стороны согласовали «Новую коллективную количественную цель» (*New Collective Quantified Goal*, NCQG), установив

[10] IEF Outlooks Comparison Report // The International Energy Forum. February 19, 2025. URL: https://www.ief.org/events/15th-iea-ief-opec-symposium-on-energy-outlooks#report (accessed: 14.12.2025).

[11] Volcovici V., Dickie G., James W. Nations Strike Deal at COP28 to Transition Away from Fossil Fuels // Reuters. December 14, 2023. URL: https://www.reuters.com/business/environment/countries-push-cop28-deal-fossil-fuels-talks-spill-into-overtime-2023-12-12/ (accessed: 14.12.2025).

[12] Abnett K., Volcovici V., Saba Y. COP28 Clashes over Fossil Fuel Phase-Out after OPEC Pushback // Reuters. December 10, 2023. URL: https://www.reuters.com/business/environment/opec-members-push-against-including-fossil-fuels-phase-out-cop28-deal-2023-12-09/ (accessed: 12.12.2025).

[13] Outcome of the First Global Stocktake: Draft Decision -/CMA.5. FCCC/PA/CMA/2023/L.17 // United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). December 13, 2023. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed: 14.12.2025).

новый целевой показатель ежегодного финансирования развивающихся стран в размере 300 млрд долл. США к 2035 г. Несмотря на то, что этот объем втрое превышал предыдущее обязательство по «финансовой помощи» (100 млрд долл. США ежегодно к 2020 г.), новое решение подверглось резкой критике со стороны «Группы 77». Возражения, прозвучавшие на заключительном пленарном заседании в связи с принятием NCQG, отражали недовольство тех, кто изначально предлагал установить целевой показатель на уровне 1,3 трлн долл. США. Это, в свою очередь, привело к запуску инициативы «Дорожная карта Баку — Белен», направленной на увеличение финансирования развивающихся стран до указанного уровня[14].

На данной конференции вопрос о поэтапном отказе от ископаемого топлива остался практически без внимания, поскольку ключевым пунктом повестки дня стало «климатическое финансирование» (Salimi Turkamani, 2025, p. 863). Отсутствие нового, подкрепленного конкретными мерами мандата на сокращение использования ископаемого топлива продемонстрировало, что без четких финансовых договоренностей достигнутый в Дубае консенсус относительно «перехода к отказу» от него остается лишь политической декларацией о намерениях.

Ключевые особенности процесса РКИК ООН

Конвенция и соответствующие правовые акты содержат ряд положений, оказывающих существенное влияние на международную правовую и политическую архитектуру в сфере климата. Некоторые из этих ключевых аспектов, имеющих особое значение для развивающихся стран, будут рассмотрены с точки зрения государств Глобального Юга.

Что касается позиций развивающихся стран по этим ключевым вопросам, то спектр их устремлений и интересов чрезвычайно широк — от малых, уязвимых государств до крупных стран-эмитентов. Развивающиеся страны могут эффективно отстаивать свои национальные интересы, когда те совпадают с позицией «Группы 77». Будучи крупнейшим политическим объединением, G77 плюс Китай представляет собой разнородный блок, который тем не менее остается главной площадкой для согласования и формирования единых позиций развивающихся стран в рамках РКИК ООН. Достижение группой консенсуса по любому вопросу, представляющему общий интерес, воспринимается как выражение коллективной позиции Глобального Юга (Almquist et al., 2026, p. 224). Таким образом, анализ единой позиции G77 и Китая, отраженной в официальных заявлениях на Конференциях Сторон, позволяет на практике определить более широкую точку зрения развивающихся стран.

Ключевой особенностью проблемы изменения климата является ее сложность и многогранность, затрагивающая самые разные аспекты образа жизни и деятельности людей. Это понимание было принято мировым сообществом и нашло отражение в Декларации министров, принятой на Второй всемирной климатической конференции. Конвенция разрабатывалась с учетом этого многообразия: научный аспект важен, но он не является единственным. В свою очередь борьба с изменением климата не должна ограничиваться лишь рамками этой проблемы. В связи с этим экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития, включая искоренение нищеты, особые условия и специфические потребности развивающихся стран, а также экономическую эффективность климатической политики, должны рассматриваться в комплексе.

«Группа 77» четко обозначила позицию, согласно которой борьба с изменением климата равнозначна праву на устойчивое развитие, искоренению нищеты и лишений, обеспечению всеобщего доступа к экологически чистой энергии и качественному медицинскому обслуживанию, а также созданию условий для «лучшей жизни шести миллиардов человек», проживающих в странах Глобального Юга.

[14] Summary of the 2024 Baku Climate Change Conference: 11–22 November 2024 // Earth Negotiations Bulletin. 2024 (26 November). Vol. 12, no. 865. URL: https://enb.iisd.org/sites/default/files/2024-11/enb12865e_0.pdf (accessed: 13.05.2025).

Таким образом, вклад каждой страны в глобальные усилия по борьбе с изменением климата будет определяться ее национальными условиями и стратегиями[15].

Учитывая сложность и многогранность проблемы изменения климата, итоговые договоренности в рамках РКИК ООН стали результатом тонкого компромисса между членами международного сообщества. Процесс РКИК ООН охватывает целый ряд направлений климатической деятельности, поэтому комплексный подход к их реализации имеет решающее значение.

Этим объясняется настойчивость G77 и Китая в вопросе о необходимости сохранения комплексного, всеобъемлющего характера определяемых на национальном уровне вкладов в рамках Парижского соглашения, а также важности достижения сбалансированного прогресса по всем направлениям, включая адаптацию, смягчение последствий, средства осуществления и проблему потерь и ущерба, о чем группа неоднократно заявляла[16].

Международная политика и законодательство в области изменения климата глубоко укоренены в «межправительственном процессе под эгидой ООН» (Thompson, 2025, p. 128). Процесс выработки политики в рамках системы РКИК ООН строится на межправительственных переговорах, при этом предполагается, что Стороны преследуют свои национальные интересы. Несмотря на растущий скептицизм в отношении эффективности многосторонней климатической дипломатии (Clemençon, 2023, p. 114), такой межправительственный процесс, ориентированный на ООН, был прямо закреплен в положениях различных решений Конференций Сторон — например, в «Плане реализации Шарм-эль-Шейха» и первом «Глобальном обзоре», где было подтверждено значение многостороннего подхода, основанного на ценностях и принципах ООН.

«Группа 77» неизменно отстаивает позицию, согласно которой РКИК ООН является основным межправительственным форумом для обсуждения глобальных климатических вопросов. G77 и Китай решительно отвергают любые проявления скептицизма в отношении многостороннего процесса, движущей силой которого выступают государства, расценивая это как тревожную угрозу, способную подорвать коллективные усилия и интересы группы. Блок также подчеркивает необходимость сохранения межправительственного характера этого процесса и считает, что поддержание единства и доверия между Сторонами является важнейшим условием и единственным путем решения серьезных проблем, стоящих перед

[15] Statement on behalf of the Group of 77 and China by Ms. Elba Rosa Pérez Montoya, Minister of Science, Technology and Environment of Cuba, at the Resumed High-Level Segment of the UN Climate Change Conference (COP 28) (Dubai, United Arab Emirates, 9 December 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=231209 (accessed: 18.05.2025).

[16] См.: Statement on Behalf of Group of 77 and China by Mr. Farukh Amil, Acting Permanent Representative of Pakistan to the UN, During the Intergovernmental Preparatory Meeting (IPM) of Fifteenth Session of Commission on Sustainable Development (CSD-15) (New York, 26 February 2007) // Group of 77 and China. URL: https://uat.g77.org/wp-content/uploads/2019/05/IPM-of-15th-Session-of-Commission-on-Sustainable-Development-1.pdf (accessed: 18.05.2025); Statement by the Delegation of Pakistan on Behalf of the Group of 77 and China after Adoption of the Law of the Sea Resolution (A/62/L.27) During the Plenary of the 62nd Session of the UN General Assembly (New York, 21 December 2007) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=071221 (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Evo Morales Ayma, President of the Plurinational State of Bolivia and Chair of the Group of 77, in the Climate Summit (New York, 23 September 2014) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=140923 (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Manasvi Srisodapol, Special Representative of the Chair of the Group of 77 for Climate Change, on Behalf of the Group of 77 and China, at the Joint Plenary of the 22nd Session of Conference of the Parties (COP22) and the 12th Session of the Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Kyoto Protocol (CMP12) (Marrakech, Morocco, 8 November 2016) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=161108 (accessed: 18.05.2025); Statement on Behalf of the Group of 77 and China by Ambassador Ammar Hijazi of the State of Palestine, Chair of the G-77 and China for the Climate Change Process, at the COP25/CMP15/CMA2 Closing Plenary of the UN Climate Change Conference (Madrid, Spain, 13 December 2019) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=191213b (accessed: 18.05.2025); Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

будущим человечества[17]. Кроме того, «Группа 77» акцентирует внимание на том, что многосторонний климатический режим опирается на Конвенцию и связанные с ней правовые инструменты (Киотский протокол и Парижское соглашение) и не подлежит пересмотру. Это отражает глубокое противоречие между твердой приверженностью стран Глобального Юга многостороннему формату в рамках РКИК ООН и выбором стран Глобального Севера в пользу «минилатеральных» (ограниченных по составу участников) форматов и сотрудничества на площадках, где доминируют несколько крупнейших эмитентов парниковых газов.

Развивающиеся страны рассматривают климатическую политику через призму исторической и экономической несправедливости. С их точки зрения, развитые страны должны не только взять на себя историческую ответственность за борьбу с изменением климата, но и оказывать поддержку развивающимся государствам. Позиция последних по этому вопросу предельно ясна: историческая ответственность служит «морально-правовой основой» обязательств развитых стран, и было бы несправедливо игнорировать тот факт, что эти государства добились экономического прогресса в результате многовекового накопления выбросов. Следовательно, развитые страны должны играть ведущую роль в решении этой проблемы[18].

Конвенция признала изменение климата «общей заботой человечества», призвав к сотрудничеству международного сообщества[19]. Однако это следует рассматривать в контексте принципов справедливости и «общих, но дифференцированных обязательств с учетом соответствующих возможностей», которые, признавая общую экологическую цель, предусматривают дифференциацию между Сторонами. Поэтому промышленно развитые страны должны играть ведущую роль в усилиях по борьбе с изменением климата (ст. 3.1[20]). Переговорные раунды РКИК ООН даже после подписания Соглашения, когда был отброшен дихотомический подход дифференцированной ответственности, вращаются вокруг этих принципов и значимости различия между развитыми странами и развивающимися странами. В результате распределение бремени, механизмы поддержки развивающихся стран, типы и условия обязательств лежат в основе процесса РКИК ООН.

Развивающиеся страны опирались на принцип ответственности за «общие, но дифференцированные обязательства с учетом соответствующих возможностей», чтобы призвать к большему вкладу промышленно развитых стран и противостоять предложениям, устанавливающим единые обязательные целевые показатели выбросов. «Группа 77» утверждает, что развитые страны должны не только взять на себя ведущую роль в сокращении своих выбросов, но и изменить свои модели производства и потребления. G77 и Китай рассматривают CBDR-RC как важнейший «руководящий принцип», необходимый для достижения глобальной цели по ограничению изменения температуры, установленной в Соглашении.

В рамках процесса РКИК ООН особое внимание уделяется специфическим потребностям и требованиям отдельных Сторон. При выполнении Сторонами своих обязательств будет обеспечен всесторонний учет интересов

[17] Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

[18] См.: Statement on behalf of the Group of 77 and China by Mr. Marthinus Van Schalkwyk, Minister of Environmental Affairs and Tourism of the Republic of South Africa, at the Opening of the High-level Segment of COP 12 and COP/MOP2 of the UN Framework Convention on Climate Change (Nairobi, 15 November 2006) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/Speeches/111506.html (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Evo Morales Ayma, President of the Plurinational State of Bolivia and Chair of the Group of 77, in the Climate Summit (New York, 23 September 2014) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=140923 (accessed: 18.05.2025); Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

[19] United Nations Framework Convention on Climate Change // The United Nations. 1992. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf (accessed: 20.01.2026).

[20] Ibid.

наименее развитых стран (НРС) и определенных групп развивающихся стран посредством передачи технологий, страхования и финансовой поддержки (ст. 4.8, 4.9, 4.10[21]). Меры поддержки должны быть направлены на решение проблем, связанных не только с негативными последствиями изменения климата, но и с пагубным воздействием политики и мер по борьбе с ним. Стремясь внести раскол в ряды блока G77 плюс Китай, страны Глобального Севера неоднократно ограничивали круг получателей такой поддержки лишь отдельными группами развивающихся стран. Тем не менее «Группа 77» в целом демонстрирует солидарность, настаивая на всестороннем применении соответствующих положений[22].

Что касается устойчивого развития и экономического роста, то в рамках РКИК ООН закреплено «право Сторон содействовать устойчивому развитию». В этом контексте Конвенция и соответствующие соглашения прямо признают право развивающихся стран осваивать и использовать свои ресурсы, а также право наращивать потребление энергии. Таким образом, положения Конвенции, Киотского протокола и Парижского соглашения требуют учитывать и минимизировать негативные последствия мер реагирования на изменение климата для тех Сторон, чьи экономики в значительной степени зависят от ископаемого топлива и энергоемких отраслей промышленности. В связи с этим понятна позиция стран, зависящих от ископаемого топлива, в отношении поспешного энергетического перехода в период после конференции в Глазго, а также ясна суть высказываний министра энергетики Саудовской Аравии, касающихся «энергетической трилеммы» и климатических целей Парижского соглашения[23].

Международная политика в области изменения климата

Развитие процесса в рамках РКИК ООН не только сформировало международно-правовую архитектуру в сфере изменения климата, но и заложило основу для более сложной системы международных отношений и политики в этой области. Принятие ключевых международно-правовых актов, таких как Конвенция, Киотский протокол и Парижское соглашение, тесно увязало правовые механизмы с климатической политикой и открыло путь к расширению международного сотрудничества в вопросах контроля выбросов парниковых газов и реализации других мер по борьбе с изменением климата.

В действительности эффективность этих договоров зависит от того, насколько добросовестно стороны РКИК ООН выполняют взятые на себя юридические обязательства, что, в свою очередь, определяется наличием политической воли и решимости. Таким образом, климатические переговоры не сводятся исключительно к юридическим процедурам и договоренностям, а формируются под влиянием геополитических соображений, расстановки сил, приоритетов в области экономики и устойчивого развития, искусства дипломатии и стратегического партнерства между сторонами. Оценка результативности климатических соглашений и прогнозирование дальнейшего хода дипломатического процесса в международной климатической политике во многом зависят от понимания этой взаимосвязи.

Международная политика в области изменения климата характеризуется участием множества государств — ключевых игроков, стремящихся отстаивать свои интересы на многосторонних площадках[24]. Участниками этой международной климатической системы являются почти 200 сторон, сама же система опирается на «вестфальский» государственно-

[21] United Nations Framework Convention on Climate Change // The United Nations. 1992. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf (accessed: 20.01.2026).

[22] Мнение основано на опыте автора в качестве представителя «Группы 77».

[23] KSA Is a ‘Global Model’ for Energy Transition // Oil & Gas News. November 1, 2023. URL: https://web.archive.org/web/20241207210435/https://ognnews.com/Article/46436/KSA_is_a_’global_model’_for_energy_transition (accessed: 05.03.2026).

[24] Nasiritousi N., Bäckstrand K. International Climate Politics in the post-Paris era // Nordic Economic Policy Review. 2019 (May). P. 25. URL: https://www.researchgate.net/publication/333104806_International_Climate_Politics_in_the_Post-Paris_Era (accessed: 12.12.2025).

центричный порядок или то, что И.А. Макаров вслед за У. Нордхаузом назвал «вестфальской дилеммой» (Makarov, 2020, p. 165).

Как полагают Д.Ф. Спринц и М. Вайс (Sprinz & Weiß, 2001, pp. 69–70), позиции стран на международных переговорах по климату можно прогнозировать исходя из их национальных интересов. Страны, сталкивающиеся с серьезными угрозами из-за изменения климата и имеющие низкие издержки на сокращение выбросов, вероятно, будут выступать за более жесткое регулирование (инициаторы / «двигатели» процесса), тогда как государства, для которых эти угрозы незначительны, а затраты на сокращение высоки, будут ему противодействовать (противники / «тормозящие» процесс). Страны, занимающие промежуточное положение, будут демонстрировать неоднозначное отношение, а государства, не подверженные климатическим рискам и имеющие высокие издержки на сокращение выбросов (наблюдатели), вероятно, вообще воздержатся от участия в дискуссиях.

В Третьем оценочном докладе МГЭИК была отражена эта неоднородная картина мира, влияющая на поведение сторон в рамках политического процесса РКИК ООН. В докладе отмечалось, что страны различаются по объемам выбросов (высокие или низкие) и степени подверженности климатическим воздействиям (высокая или низкая)[25]. В свою очередь, И.А. Макаров утверждает, что структура Парижского соглашения, основанная на принципе «снизу вверх» (*bottom-up*), разделяет основных мировых эмитентов парниковых газов на страны-«энтузиасты» (например, США, ЕС и Китай), стремящиеся к углеродной нейтральности ради контроля над зелеными технологиями и обеспечения энергетической безопасности, и страны, проявляющие «нежелание» или сдержанность (к ним относятся государства с развивающейся экономикой, такие как Индия, Бразилия и ЮАР), которые ставят во главу угла задачи устойчивого развития, борьбу с бедностью и обеспечение доступности энергии. К последней группе также относятся страны, чьи экономики сильно зависят от ископаемого топлива (например, Россия и арабские нефтедобывающие государства); они воспринимают стремительный энергетический переход как серьезную угрозу своим экономическим интересам, социальному благополучию и геополитическому статусу (Makarov, 2020, pp. 169–172).

В рамках переговорного процесса РКИК ООН можно выделить три ключевых фактора, способствующих пониманию международной политики в области изменения климата и причин, ограничивающих эффективность данного режима:

1) разногласия между странами Глобального Севера по вопросу распределения бремени;

2) противоречивые приоритеты внутри Глобального Юга;

3) сохраняющееся неравенство между Севером и Югом в контексте принципа справедливости (Bodansky & Rajamani, 2018, p. 20).

Ситуация в сфере международной климатической политики дополнительно усложняется тем, что основные выгоды от борьбы с изменением климата не позволяют в полной мере снять опасения, связанные с проблемой «безбилетника» и вопросом «относительных выгод». Поскольку климат является глобальным общественным благом, проблема «безбилетника» возникает, когда отдельные государства извлекают пользу из глобального сокращения выбросов, не внося при этом соразмерного вклада (Falkner, 2016, p. 1110; Makarov, 2020, p. 164, 169; Clemençon, 2023, p. 115). Ситуацию усугубляет обеспокоенность по поводу «относительных выгод»: страны опасаются, что жесткие меры по сокращению выбросов могут поставить их в невыгодное положение по сравнению с государствами, принимающими менее строгие климатические обязательства. По мнению М. Пьюрдона, подобные опасения обусловлены особенностями международного перераспределения, невозможностью исключить кого-либо из потребления результатов

[25] Climate Change 2001: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Third Assessment Report // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 2001. URL: https://www.ess.uci.edu/~yu/class/ess15/TARSynRep_SPM.pdf (accessed: 12.12.2025).

мер по смягчению последствий изменения климата, масштабностью необходимых ресурсов, а также временным разрывом между затратами и получением выгод от перераспределения (Purdon, 2017).

Другие исследователи утверждают, что заключение юридически обязательных соглашений представляется практически невозможным, поскольку стороны воспринимают переговорный процесс как игру с нулевой суммой, где решается вопрос о том, кто именно понесет расходы, связанные с сокращением выбросов (Clémençon, 2023, p. 115). Страны все больше обеспокоены последствиями мер по смягчению последствий изменения климата для своих национальных энергоемких отраслей на международных рынках. Политики и правительственные чиновники опасаются, что производственные предприятия могут утратить конкурентоспособность и долю рынка из-за роста издержек по сравнению с зарубежными конкурентами[26]. Вместе с тем эмпирические оценки фактического влияния углеродного ценообразования на рост и конкурентоспособность неоднозначны и в значительной степени зависят от проводимой политики, отраслевой структуры экономики и способов использования бюджетных поступлений.

После принятия Парижского соглашения в международной политике в области изменения климата произошли ключевые изменения, ознаменовавшие начало новой эры в архитектуре климатического регулирования:

1) соглашение не устанавливает четких категорий сторон и не дифференцирует обязательства для них так, как это делают Рамочная конвенция и Киотский протокол;

2) Парижское соглашение представляет собой гибридную структуру (Thakur, 2021, p. 366), в которой подход «снизу вверх» для стимулирования участия (реализуемый через национальные вклады сторон) (Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 5) сочетается с механизмом «сверху вниз», направленным на повышение уровня амбициозности и подотчетности (посредством оценки коллективного прогресса, известной как «глобальное подведение итогов»);

3) обязательства носят смешанный правовой характер, сочетая в себе нормы «жесткого» и «мягкого» права (Bodansky & Rajamani, 2018, p. 48).

Заключение

Режим РКИК ООН формировался главным образом под влиянием дисбаланса сил, материальных интересов национальных государств и динамики отношений «Север — Юг». Эти факторы, укорененные в реалиях анархичного «Вестфальского» миропорядка, сыграли ключевую роль в определении траектории развития климатического режима и практики применения его основополагающих принципов с течением времени. Данный структурный дисбаланс объясняет медленный прогресс в достижении температурных целей в рамках Парижского соглашения. Ситуация усугубляется тем, что основные страны-эмитенты Глобального Севера продолжают отдавать приоритет собственным национальным экономическим и стратегическим интересам, перекладывая при этом бремя выполнения обязательств на страны Глобального Юга.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что гибридная модель, внедренная в рамках Парижского соглашения и системы определяемых на национальном уровне вкладов, не позволила разрешить сохраняющиеся противоречия между Севером и Югом. Напротив, она создала условия для новых форм избирательного подхода и перекладывания проблем со стороны Севера, сделав акцент на мерах, затрагивающих сферу предложения (например, поэтапный отказ от ископаемого топлива). Призывы к структурной перестройке климатического режима и смещению фокуса политики по смягчению последствий изменения климата на сектор предложения не только расходятся с различными энергетическими

[26] Black S., Liu A. A., Parry I., Vernon N. IMF Fossil Fuel Subsidies Data: 2023 Update // International Monetary Fund. 2023 (August). IMF Working Paper No. WP/23/169. P. 17. URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023169-print-pdf.pdf (accessed: 22.12.2025).

прогнозами, но и возлагают бремя соответствующих обязательств на развивающиеся страны Юга, экономика которых зависит от ископаемого топлива. При этом игнорируется исторический вклад Глобального Севера в совокупный объем выбросов. Для развивающихся стран такие структурные изменения чреваты серьезными и долгосрочными геополитическими последствиями, включая угрозы энергетической безопасности, национальным стратегиям развития и суверенитету в отношении природных ресурсов.

Таким образом, общая позиция стран Глобального Юга состоит в том, что ни одно государство не вправе навязывать условия, неприемлемые для другого, поскольку каждое государство свободно в своем выборе.

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 20.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Abdulkadir A., Abdulquadir A., Nevaluz S. The Role of Global Governance in Mitigating the Impact of Climate Change: Challenges and Opportunities // Journal of Ecopolitics, Peace, and Sustainable Development. 2025. Vol. 1, iss. 1. P. 1–11. https://doi.org/10.69798/82466053; EDN: GSVVBY

Adipudi A. V., Kim R. E., Biermann F. The Potential Negative Impact of the UNFCCC: An Analysis of Sectoral, Geographical, and Temporal Problem Shifts from Climate Policies and Measures in 25 Industrialized Countries // Global Environmental Change. 2025. Vol. 95. Art. 103075. https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2025.103075; EDN: EOFPSY

Almquist Z. W., Bagozzi B. E., Blinova D., Brown Z. Dynamic Networks of Negotiation for International Climate Change Cooperation // Environmental Sociology. 2026. Vol. 12, iss. 2. P. 221–237. https://doi.org/10.1080/23251042.2025.2507287; EDN: EZERPI

Arslan S. Climate Diplomacy and Global Governance: A Strategic and Qualitative Analysis of International Politics (1950–2025) // International Journal of Academic Research in Public Policy and Governance. 2025. Vol. 11, iss. 1. P. 6–36. https://doi.org/10.46886/IJARPPG/v11-i1/19019; EDN: DXQVWW

Bodansky D. The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem // American Journal of International Law. 2010. Vol. 104, iss. 2. P. 230–240. https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.104.2.0230

Bodansky D., Rajamani L. The Evolution and Governance Architecture of the United Nations Climate Change Regime // Global Climate Policy: Actors, Concepts, and Enduring Challenges / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. P. 13–65. https://doi.org/10.7551/mitpress/10264.003.0004

Çelik F. B. The EU's Different Faces in Climate Diplomacy: Leadership, Interests, and Responsibilities // Journal of European Integration. 2022. Vol. 44, iss. 8. P. 1019–1039. https://doi.org/10.1080/07036337.2022.2068538; EDN: EEKVRA

Chasek P. S., Downie D. L., Allan J. I. Global Environmental Politics. 9th ed. New York: Routledge, 2025. https://doi.org/10.4324/9781003494874

Clémençon R. 30 Years of International Climate Negotiations: Are They Still Our Best Hope? // The Journal of Environment & Development. 2023. Vol. 32, iss. 2. P. 114–146. https://doi.org/10.1177/10704965231163908; EDN: MDNBIY

Doussis E., Dikaios G. Climate Diplomacy Under the UNFCCC: Past, Present, and Future // Contemporary Diplomatic and Consular Relations / ed. by P. Naskou-Perraki. Cham, Switzerland : Springer, 2025. P. 153–163. https://doi.org/10.1007/978-3-031-99243-8_10

Falkner R. The Paris Agreement and the New Logic of International Climate Politics // International Affairs. 2016. Vol. 92, iss. 5. P. 1107–1125. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12708

Falkner R., Nasiritousi N., Reischl G. Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable? // Climate Policy. 2022. Vol. 22, iss. 4. P. 480–487. https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717; EDN: TSIOGY

Haibach H., Schneider K. The Politics of Climate Change: Review and Future Challenges // Climate Change: International Law and Global Governance. Vol. II: Policy, Diplomacy and Governance in a Changing Environment / ed. by O. C. Ruppel, C. Roschmann, K. Ruppel-Schlichting. 1st ed. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2013. P. 357–374. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv941vsk.18 (accessed: 26.09.2025).

Hare W., Stockwell C., Flachsland C., Oberthür S. The Architecture of the Global Climate Regime: A Top-Down Perspective // Climate Policy. 2010. Vol. 10, iss. 6. P. 600–614. https://doi.org/10.3763/cpol.2010.0161

Heras A. Supply-Side Climate Policy and Fossil Fuels in Developing Countries: A Neo-Gramscian Perspective // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2024. Vol. 24, iss. 1. P. 49–74. https://doi.org/10.1007/s10784-024-09627-z; EDN: THBOWL

Heras A., Gupta J. North-South Relations, Responsibilities, and Agendas in Earth System Governance: Have These Changed in the Anthropocene? // Earth System Governance. 2025. Vol. 24. Art. 100251. https://doi.org/10.1016/j.esg.2025.100251; EDN: SRMQIS

Hoppe J., Hinder B., Rafaty R., Patt A., Grubb M. Three Decades of Climate Mitigation Policy: What Has It Delivered? // Annual Review of Environment and Resources. 2023. Vol. 48. P. 615–650. https://doi.org/10.1146/annurev-environ-112321-103821; EDN: KDHWRA

Ibrahim S. G., Uke I. I. From Kyoto Protocol to Copenhagen: A Theoretical Approach to International Politics of Climate Change // African Journal of Political Science and International Relations. 2013. Vol. 7, iss. 3. P. 142–153. https://doi.org/10.5897/AJPSIR11.089

Ilyassov A., Chukubayev Y., Morgunova O. Energy Policy and Diplomacy of the UAE and Other Resource-Oriented Countries in the Transition to Technological Development // Frontiers in Political Science. 2025. Vol. 7. Art. 1661283. https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1661283; EDN: NRNYWL

Jalil S. Toward an International Grundnorm for Climate Change: Ensuring Sustainability Away from the Traditional Notion of Security // Sustainability. 2025. Vol. 17, iss. 3. Art. 1034. https://doi.org/10.3390/su17031034; EDN: OXITAW

Keohane R., Victor D. Cooperation and Discord in Global Climate Policy // Nature Climate Change. 2016. Vol. 6. P. 570–575. https://doi.org/10.1038/nclimate2937

Krasner S. D. Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // International Organization. 1982a. Vol. 36, iss. 2. P. 497–510. https://doi.org/10.1017/S0020818300019032

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982b. Vol. 36, iss. 2. P. 185–205. https://doi.org/10.1017/S0020818300018920

Kuyper J., Schroeder H., Linnér B.-O. The Evolution of the UNFCCC // Annual Review of Environment and Resources. 2018. Vol. 43. P. 343–368. https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102017-030119

Leal-Arcas R., Alghamdi A., Alharethi M. Effectiveness of the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement // Connecticut Journal of International Law. 2026. Vol. 41, iss. 1. P. 106–153.

Makarov I. A. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime // Global Governance in Transformation: Challenges for International Cooperation / ed. by L. Grigoryev, A. Pabst. Cham, Switzerland : Springer, 2020. P. 163–181. https://doi.org/10.1007/978-3-030-23092-0_11

Maslin M., Lang J., Harvey F. A Short History of the Successes and Failures of the International Climate Change Negotiations // UCL Open: Environment. 2023. No. 5. Art. 08. https://doi.org/10.14324/111.444/ucloe.000059

Minnerop P. Taking the Paris Agreement Forward: Continuous Strategic Decision-Making on Climate Action by the Meeting of the Parties // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. 2018. Vol. 21, iss. 1. P. 124–166. https://doi.org/10.1163/13894633_021001006

Mitchell R. B. Institutional Aspects of Implementation, Compliance, and Effectiveness // International Relations and Global Climate Change / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2001. P. 221–244.

Mukherjee B. N., Mathew M. Global Climate Change Governance: A Rethinking // Journal of Liberty and International Affairs. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 277–288. https://doi.org/10.47305/JLIA2391282m; EDN: LDJAHV

Obergassel W., Bauer S., Hermwille L., Aykut S. C., Boran I., Chan S., Fraude C., Klein R. J. T., Mar K. A., Schroeder H., Simeonova K. From Regime-Building to Implementation: Harnessing the UN Climate Conferences to Drive Climate Action // WIREs Climate Change. 2022. Vol. 13, iss. 6. Art. e797. https://doi.org/10.1002/wcc.797; EDN: LPFPME

Pattberg P., Kaiser C., Widerberg O., Stripple J. 20 Years of Global Climate Change Governance Research: Taking Stock and Moving Forward // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2022. Vol. 22, iss. 2. P. 295–315. https://doi.org/10.1007/s10784-022-09568-5; EDN: ZJSCCT

Pattberg P., Widerberg O. The Climate Change Regime // Oxford Research Encyclopedia of Climate Science / ed. by H. von Storch. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 1–35. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228620.013.46

Purdon M. Neoclassical Realism and International Climate Change Politics: Moral Imperative and Political Constraint in International Climate Finance // Journal of International Relations and Development. 2017. Vol. 20, iss. 2. P. 263–300. https://doi.org/10.1057/jird.2013.5; EDN: GEVPMA

Ruiz Campillo X. Post-Paris Agreement Negotiations: A Commitment to Multilateralism Despite the Lack of Funding // Environmental Science and Policy. 2024. Vol. 156. Art. 103754. https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103754; EDN: EEUKWG

Salimi Turkamani H. The Challenge of Phasing Out Fossil Fuels for Highly Fossil Fuel-Dependent Countries in International Law // Leiden Journal of International Law. 2025. Vol. 38, iss. 4. P. 861–880. https://doi.org/10.1017/S0922156525100319

Sprinz D. F., Weiß M. Domestic Politics and Global Climate Policy // International Relations and Global Climate Change / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2001. P. 67–94.

Thakur S. From Kyoto to Paris and Beyond: The Emerging Politics of Climate Change // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2021. Vol. 77, iss. 3. P. 366–383. https://doi.org/10.1177/09749284211027252; EDN: PQYSEZ

Thompson A. From Rivals to Partners: The Cooptation of Emerging Powers into the Climate Regime // Contemporary Security Policy. 2025. Vol. 46, iss. 1. P. 126–149. https://doi.org/10.1080/13523260.2024.2420477

Ushadevi S., Rassuli H., Hashimi Q., Kumar C. Climate Diplomacy Milestones: A Comparative Analysis of Conference of the Parties Summits // International Environmental Legal Research Journal. 2024. Vol. 2, no. 1. P. 25–40. URL: https://ielrj.iledu.in/climate-diplacy-milestones-a-comparative-analysis-of-conference-of-the-parties-summits/ (accessed: 26.09.2025).

Van Asselt H. Governing Fossil Fuel Production in the Age of Climate Disruption: Towards an International Law of "Leaving It in the Ground" // Earth System Governance. 2021. Vol. 9. Art. 100118. https://doi.org/10.1016/j.esg.2021.100118; EDN: FSXEEK

Vogler J. Mainstream Theories: Realism, Rationalism and Revolutionism // Routledge Handbook of Global Environmental Politics / ed. by P. G. Harris. 2nd ed. London : Routledge, 2022. P. 33–44.

Yamin F., Depledge J. The International Climate Change Regime: A Guide to Rules, Institutions and Procedures. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. https://doi.org/10.1017/CBO9780511494659; EDN: QWPAIN

Сведения об авторе:

Альхарби Атиф Альджемайли — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; старший советник по международным отношениям, бывший глава переговорной делегации Кувейта на переговорах в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН); e-mail: 1072228007@rudn.ru